

Сравнительные данные по цветовой ассоциативности звукобуквы **Ы** русского языка
(результаты по Н.В. Ефименко)

Ы	1 АЭ	2 АЭ	3 АЭ
Черный	25 %	23 %	19 %
Серый	20 %	14 %	17 %
Коричневый	8 %	13 %	14 %
Синий	9 %	11 %	6 %
Фиолетовый	3 %	11 %	6 %
Зеленый	7 %	3 %	9 %
Красный	2 %	5 %	10 %
Желтый	7 %	7 %	7 %
Белый	6 %	5 %	4 %
Оранжевый	5 %	2 %	5 %
Розовый	5 %	3 %	0 %
Бордовый	3 %	3 %	3 %
Нет ответа	0 %	0 %	0 %

Литература

1. Ахатов, Г.Х. Группы говоров татарского языка на территории Башкирской АССР / Г.Х. Ахатов // Языкознание. – Вып. 3. – Казань, 1980. – С. 5 – 36.
2. Губайдуллина, Г.Т. Татарская экспериментальная фонетика: истоки и этапы ее развития: дис. ... канд. филол. наук / Г.Т. Губайдуллина. – Казань, 2011.
3. Диброва, Е.И. Современный русский язык: Теория и анализ языковых единиц: в 2 ч. Ч.1 / [Е.И. Диброва и др.]. – М., 2001.
4. Ефименко, Н.В. Носитель фонетического значения как объект вызываемых цветовых впечатлений / Н.В. Ефименко // Теория и практика языковой коммуникации: материалы международной научно-методической конференции. – Уфа, 2009. – С. 80 – 82.
5. Ефименко, Н.В. Ассоциативная структура цветового значения слова и текста: дис. ...канд. филол. наук / Н.В. Ефименко. – Уфа, 2011.
6. Журавлев, А.П. Фонетическое значение / А.П. Журавлев. – Л., 1974.
7. Журавлев, А.П. Диалог с компьютером / А.П. Журавлев. – М., 1987.

8. Насыри, К. Краткая татарская грамматика / К. Насыри. – Казань, 1860.
9. Радлов, В.В. Сравнительная грамматика северных тюркских языков. Т. I. Фонетика / В.В. Радлов. – Лейпциг, 1882.
10. Рогожникова, Т.М. Ассоциативный мир слова и текста / Т.М. Рогожникова. – Уфа, 2008.
11. Рогожникова, Т.М. Исследование цветовой ассоциативности звуков башкирского и татарского языков / Т.М. Рогожникова, Г.Р. Кочетова // Языковое бытие человека и этноса: Психолингвистические и когнитивные аспекты: Материалы международной школы-семинара (VII Березинские чтения). – Вып.17. – М., 2011. – С. 241 – 246.
12. Сабиров, Р.А. Основные сведения по татарскому языку / Р.А. Сабиров // Самоучитель татарского языка. – Казань, 2006.
13. Соколов, П.П. Факты и теория цветового слуха / П.П. Соколов // Вопросы философии и психологии. – М., 1897. – Кн. 37, 38. – С. 252 – 275.
14. Усманова, М.Г. Грамматика башкирского языка для изучающих язык как государственный / М.Г. Усманова. – Уфа, 2012.
15. http://ru.wikipedia.org/wiki/Татарский_язык

УДК 821.161.1

У.С. Кузнецова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Н.В. Володина

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТЕМПЕРАМЕНТ КАК ОСНОВА МИРОВОСПРИЯТИЯ Н.А. ТУЧКОВОЙ (на материале воспоминаний Н.А. Тучковой-Огаревой о событиях 1848 года)

В статье рассматриваются воспоминания Н.А. Тучковой-Огаревой. Общественный темперамент, как основа мировосприятия писательницы, оказывает влияние на повышенный интерес к событиям 1848 г.

Воспоминания, восприятие, общественный темперамент.

The article deals with the memories of N.A. Tuchkova-Ogareva. Social temperament, as the basis of the writer's worldview, has an impact on the increased interest in the events of 1848.

Memoirs, perception, social temperament.

Во второй половине XIX в. происходит расцвет автодокументальной прозы. Потребность в самораскрытии стала отличительной особенностью поколения 1840-х гг., в частности – участников герценовского кружка, представители которого оставили богатое мемуарное наследие, запечатлевшее бурное умственное движение интеллигенции этой эпохи. Происходящие перемены не могли не коснуться и русских женщин, поскольку, как отмечает М. Гершензон, «идеи, волновавшие общество, каждый раз своеобразно преломлялись в женском сознании, и здесь шел особенный, тоже глубоко закономерный процесс развития» [5, с. 221], также отразившийся в мемуарно-автобиографической прозе. Это особенно проявилось в их интересе к важнейшим европейским событиям середины XIX в. Переживания, вызванные революционным подъемом 1848 г. и затем разгромом восстания парижского пролетариата, запечатлели в своих записках и воспоминаниях Н.А. Герцен, М.К. Рейхель и Н.А. Тучкова-Огарева – женщины, ставшие известными в связи с биографией А.И. Герцена. В этих откликах много созвучного написанному самим А.И. Герценом, поскольку «они воссоздавали весьма похожие картины, обращаясь к одним и тем же ключевым понятиям, призванным охарактеризовать то время» [7, с. 10]; но вместе с тем в них ярко выражены и своеобразие личности самих мемуаристок, «увидевших историю «другими» глазами» [2, с. 512] (в данном случае глазами женщины).

Мемуары Н.А. Тучковой (1903) представляют собой «традиционный» тип воспоминаний, в которых автобиографическая линия развития сюжета органично взаимодействует с повествованием о жизни общества и движении истории. Книгу Тучковой условно можно разделить на две части: «русскую», посвященную истории взросления автобиографической героини, и «европейскую», отведенную описанию лондонского периода жизни А.И. Герцена. Пожалуй, центральным эпизодом рассказа писательницы о формировании характера автобиографической героини, а также «восприятии первого жизненного опыта» [9, с. 8] является описание путешествия в Европу, предпринятое вместе с отцом в 1847 г.

Рассказывая об этой поездке, Тучкова описывает переживания и настроения, сходные переживаниям, которые запечатлели в своих записках ее современницы. Это объясняется, главным образом, тем, что «авторы принадлежали к одному поколению, социальному окружению и получили образование в одно и то же время» [8, с. 21]. Так, основу воспоминаний Тучковой о путешествии по европейским городам составило описание того, как она постигала культурные ценности западного мира. Самый активный интерес к художественной стороне жизни Европы проявила в своих записках и М.К. Рейхель, сосредоточившись на рассказе о посещении картинных галерей, консерваторий и театров. Вместе с тем, примечательно, что для обеих мемуаристок, помимо куль-

турного аспекта, в восприятии западного мира существенной оказалась также идеологическая составляющая. Более того, в воспоминаниях Тучковой рассказ о политической жизни Европы занял едва ли не центральное место, поскольку, как отмечает мемуаристка, она намеренно стремилась запечатлеть исключительно те факты, которые «имели общий интерес» [16, с. 34]. Вместе с тем, подобный «отбор» описываемых событий ничуть не помешал мемуаристке воссоздать историю становления характера ее героини.

Страницы воспоминаний Тучковой, посвященные первым впечатлениям от Европы, в которой росли революционные настроения, выразительно рисуют образ юной девушки, восхищающейся толпами оживленного народа, собиравшегося на улицах незнакомых ей городов. По свидетельству автора воспоминаний, особенно сильное впечатление оказала на нее жизнь Рима, точнее, картины всеобщего народного подъема, которым жил в то время вечный город. В какой-то неописуемый восторг приводит мемуаристку, «дикарку», как она себя называла, проживавшую до этого в русском провинциальном «захолустье», зрелище народных демонстраций. «В Риме демонстрации были ежедневно, – пишет Тучкова, – народ, очень взволнованный провозглашением французской республики, собиравшийся в большом порядке и ходил по улицам Рима, прося реформ, напоминая о страждущих братьях в Ломбардии, говоря сочувственные речи французскому послу, который, как представитель монархии, вовсе не знал, что им ответить, тем более, что он еще не получал никаких инструкций из Парижа; у австрийского посланника сломали герб и разделили между присутствующими эту черную птицу в память черных дел» [16, с. 34].

Насколько сильно Тучкова была захвачена во время путешествия в Италию бурной атмосферой национально-освободительного подъема свидетельствует ее рассказ о том, как, воодушевленная всем увиденным, она, по просьбе одного из «революционных начальников» или руководителей демонстрации, несла тяжелое знамя впереди длинной колонны. Более того, писательница отмечает, что в этот момент она забыла даже о своей застенчивости, которая, по словам мемуаристки, была семейным свойством ее характера. «Мне было очень грустно с ним расставаться, – вспоминает она, – я несла итальянское знамя с такою гордостью, с таким восторгом» [16, с. 32].

В записках Тучковой, разумеется, нет глубокого политического анализа пережитого, как, например, в мемуарах Герцена. Вероятно, это связано с особенностями осмысления исторических явлений женщинами. По утверждению Н.Л. Пушкиревой, в отличие от мужчин, им не свойственно задумываться о социальной роли произошедшего, соотносить свой рассказ с историей страны, привязывать свое повествование «к последовательным и хорошо известным

событиям» [14, с. 306]. Вместе с тем описание мемуаристкой революционных событий позволяет понять особенности ее мировоззрения, в частности, – глубокий интерес к общественной борьбе, воспитанный, вероятно, еще в детстве отцом писательницы. Из воспоминаний Тучковой известно, что он восторженно рассказывал своим дочерям о восстании декабристов, формируя тем самым их мировосприятие. Идейное воздействие революционных традиций декабристов на юную Тучкову, очевидно, отчасти повлияло на столь глубокое переживание Натальей Алексеевной революционного подъема 1848 г., осмысление которого стало важнейшей вехой на пути ее духовного роста и самосознания.

Мемуаристка с восхищением описывает, как на ее глазах «создавалась всемирная история» [16, с. 35]. Преодолевая сложившееся представление о женской прозе как художественно-эстетическом явлении, сосредоточенном, преимущественно, на изображении «малого», интимного мира» [15, с. 14], писательница воссоздает картины прошлого, в которых личная линия повествования органично соединяется с эпическим характером воспоминаний. Описывая то, как она вместе с Герценом и его семьей путешествовала по Италии, принимала участие в демонстрациях в Риме, Тучкова создает образ наблюдательной спутницы своего знаменитого современника, открытой для всего неизвестного. Чрезвычайно интересен в плане ее саморепрезентации рассказ, помещенный в книгу Т.П. Пассек, о том, как она однажды пыталась дойти до парижских баррикад. «Внутренне взбешенная, что мы (женщины. – У.К.) так безучастны, – вспоминала Тучкова, – я вошла к Наташе (Н.А. Герцен. – У.К.) и стала звать ее с собой, но она не решилась оставить детей. <...> Я замолчала, но думала про себя: “Да разве мало детей в Париже; если б все родители так думали, все бы сидели сложа руки”. Улучив минуту, я осторожно вышла одна на улицу» [10, с. 513]. Тучкова пренебрегает общепринятыми правилами поведения, демонстрирует непокорность и свободолобие, описывая в высшей степени эксцентричный поступок, совершенный вопреки наставлениям своих старших друзей, в частности, Н.А. Герцен, и, как кажется, под влиянием чрезмерной юношеской горячности. Вместе с тем, этот рассказ писательницы свидетельствует о разности мировосприятия Тучковой и Н.А. Герцен и, как следствие, об особенностях осмысления ими исторических событий.

Вместе с тем во многом отклики на революционные события 1848 г. в Италии и во Франции в воспоминаниях Тучковой созвучны переживаниям Герцен, запечатленным в ее «Записках» и в письмах к Т.А. Астраковой. Эти тексты чрезвычайно похожи и в восприятии их авторами окружающих бытовых реалий. Однако отличительной чертой мемуаров Тучковой является то, что, рассказывая о крупных, общественно значимых событиях, она пытается их проанализировать. Именно поэтому в ее воспоминаниях усиливается момент типизации, преобладания общего над частным, единичным, коллективного – над индивидуальным. Н.А. Герцен же в своих записках, прежде всего, пытается осмыслить последствия всего

произошедшего для ее личной жизни. Через эти переживания, однако, косвенно угадывается сочувствие ко всему человечеству. Как утверждает Н.В. Анциферов, «она сосредоточивает свое внимание на выяснении возможного значения этих событий в будущих судьбах детей (как известно, Н.А. Герцен обременена чувством исключительной ответственности за них. – У.К.), как ее собственных, так и чужих» [1, с. 369]. «... Мне иногда так страшно становится, глядя на своих детей, – писала она в 1848 г., – что за смелость, что за дерзость новое существо, заставить его жить и не иметь ничего, ничего для того, чтобы сделать жизнь его счастливою...» [1, с. 368]. В записках Герцен, таким образом, отсутствует «широта исторического охвата» [11, с. 117], однако они отличаются особой эмоциональностью, искренностью и субъективностью, поскольку писательница смотрит на все происходящее прежде всего как женщина-мать.

Вероятно, определенная аналитичность оценок Тучковой стала результатом значительной временной дистанции, разделяющей момент, когда происходило то, о чем рассказывает писательница, и настоящего. Это свойственно любому мемуарному произведению, автор которого, по утверждению И. Гитович, «вспоминает и строит образ прошлого в соответствии с тем, что пережито и понято за годы, отделяющие его от рассказываемого» [6, с. 58]. Ретроспективность воспоминаний, таким образом, организует «двойную точку зрения автора» [3, с. 29], обуславливая не только описание событий, но и их оценку с точки зрения настоящего.

Рассказы Тучковой об увиденном носят явно выраженный оценочный характер. Писательница демонстрирует, если воспользоваться выражением Е.Е. Приказчиковой, «намеренную субъективность по отношению к внешнему миру, избирательность восприятия которого служит лучшему раскрытию внутреннего мира самой мемуаристки» [11, с. 17]. Описание собственных переживаний оказывается в центре рассказа Тучковой о днях пребывания в Париже – городе, в котором она, как замечает В. Путинцев, стала «свидетельницей острых классовых битв» [13, с. 9]. Ярким доказательством этого служат, например, впечатления мемуаристки от исполнения Марсельзы во время многотысячной демонстрации рабочих Парижа. «Я никогда не слыхала ничего подобного; – вспоминает Тучкова, – всякий, кто слышал Марсельзу, может себе представить, как она должна была глубоко потрясти присутствовавших, исполненная семнадцатью тысячами голосов и при такой обстановке: рабочие шли голодные, унылые, мрачные...» [16, с. 36]. Хотя мемуаристка не в силах должным образом оценить противоречия политической борьбы во Франции и причины поражения революционного восстания, но, по замечанию В. Путинцева, «все ее симпатии на той стороне баррикад, где люди труда выступали против голода, нищеты и бесправия» [13, с. 11].

Использование Тучковой эмоционально-оценочной лексики свидетельствует о сопереживании ею революционному движению и всем принявшим в нем участие и негодовании, даже презрении, к меща-

нам и мещанству как некоему общему явлению, ставшему следствием революционных событий на Западе. Символично, что аналогичную оценку всему происходящему в европейских странах после событий 1848 г. во Франции дал Герцен: «Закрыв страшную пропасть императорской мантией с пчелами, мещане-генералы, мещане-министры, мещане банкиры кутят, наживают миллионы, теряют миллионы, ожидая Каменного гостя ликвидации.... Не легкая «козри» нужна им, а тяжелые оргии, бесцветное богатство, в котором золото, как в Первой империи, вытесняет искусство, лоретка – даму, биржевой игрок – литератора» [4, с. 155]. Таким образом, не остается сомнений в том, что подобное восприятие мемуаристкой европейской действительности во многом стало результатом влияния отца и, разумеется, духовной близости писательницы Герцену и его окружению. Не случайно большинство рассуждений по поводу увиденного во Франции Тучкова начинается с некоего обобщенного «мы», тем самым подчеркивая свою принадлежность к числу тех, кто – с крушением французской революции – переживал разочарование в Европе, с которой некогда связывался идеал политического равенства и гражданской свободы. «Мы увидели, – пишет мемуаристка, – на какие злодеяния способен человек, когда он охвачен чувством страха. Из провинции прибыла в Париж для восстановления порядка мобилизованная гвардия; рабочие в отчаянии, без работы, голодные отважились на устройство баррикад, как ужасно было отмщение мещан!» [16, с. 36].

Воспоминания Тучковой, таким образом, обладают «широким культурно-историческим кругозором» [12, с. 17], не замыкаясь на изображении только событий личной жизни автора. Причиной этого, прежде всего, стал незаурядный общественный темперамент мемуаристки, воспитанный как ее окружением, так и впечатлениями, вынесенными из поездки по Европе. Рассказ Тучковой является своеобразной демонстрацией того, как идеи, волновавшие образованное, демократически настроенное общество, получали развитие в женском сознании. Это и позволяет оценивать ее книгу как «документ по истории женской мысли в России» [5, с. 221].

Литература

1. *Анциферов, Н.П.* Введение / Н.П. Анциферов // Н.А. Герцен (Захарьина): Материалы для биографии. Сер. «Литературное наследство». – М., 1956. – Т. 63. – Кн. 3.
2. *Гаврилина, О.В.* Осмысление исторических событий первой половины XX века в женской прозе / О.В. Гаврилина // Русский язык и культура в пространстве русского мира: Материалы II Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 26 – 28 октября 2010 г. / [под ред. Е.Е. Юркова и др.]: в 2 т. – СПб., 2010. – Т. 2. – С. 511 – 517.
3. *Галич, А.А.* Современная художественная документально-биографическая проза (Проблемы развития жанров): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Галич. – Донецк, 1984.
4. *Герцен, А.И.* Собр. соч.: в 30 т. / А.И. Герцен. – М., 1952 – 1956.
5. *Гершензон, М.О.* Записка Е.П. Фроловой / М.О. Гершензон // Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. – М., 1915. – Т. 1.
6. *Гитович, И.* «Найти свою жизнь и ее значение»: мемуары и автобиографическая память / И. Гитович // Studia Rossica XX. Mемуарystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, t. I, Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego. – Warszawa, 2010. – С. 49 – 63.
7. *Жак, Е.С.* Мемуарная проза / Е.С. Жак. – Ростов н/Д., 2008.
8. *Колядич, Т.* Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Колядич. – М., 1999.
9. *Маслова, Т.Е.* Роман воспитания в творчестве Теккерея 1850-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Е. Маслова. – СПб., 2002.
10. *Пассек, Т.П.* Из дальних лет: Воспоминания: в 2 т. / Т.П. Пассек. – М., 1963. – Т. I.
11. *Погребная, В.Л.* Женская мемуаристика как модель социальной коммуникации / В.Л. Погребная, Е.О. Масляк // Держава та регіони. – 2008. – № 3. – С. 115 – 120.
12. *Приказчикова, Е.Е.* Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Е. Приказчикова. – Екатеринбург, 2010.
13. *Путинцев, В.А.* Н.А. Тучкова-Огарева и ее Записки / В.А. Путинцев // Н.А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. – М., 1959.
14. *Пушкарева, Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание / Н.Л. Пушкарева. – СПб., 2007.
15. *Татаркина, С.В.* Творчество А. Я. Панаевой в литературном контексте XIX века: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Татаркина. – Томск, 2006.
16. *Тучкова-Огарева, Н.А.* Воспоминания / Н.А. Тучкова-Огарева. – М., 1959.